

Саган Ф

В КОНЦЕ НОМЕРА

О «ШАЛОСТЯХ» Франсуаза Саган в Париже много говорят. То она вдруг выходит босиком на улицу, то в безумно дорогой машине гоняет со скоростью двести, то она «алкоголичка», то «наркоманка». Птичка певчая, шалунья...

Франсуаза мне очень понравилась. Своими естественными манерами, мгновенной реакцией, радушием. Началось с того, что она опоздала, и мы с переводчиком, журналистом Семеновым Мирским, в течение часа томились в ее квартире, потягивая аперитив. Я все думал о том, как нам расположиться при разговоре, чтобы все записать на пленку. И когда с извинениями влетела в комнату хозяйка, я спросил, как же нам поудобнее сесть — на диван, на стуль, за стол? Франсуаза Саган мгновенно парировала: «Я виновата и готова сесть хоть к вам на колени!» Пассаж неожиданный, зато мы сразу почувствовали себя раскованными. И мне еще сильнее захотелось говорить с писательницей не только о литературе, но и о том, как создаются идолы, земные боги, «суперзвезды» XX века. Да и шутка ли, уже много лет ее книги не покидают списки бестселлеров. И сегодня они расходятся гигантским для Франции тиражом в двести—триста тысяч экземпляров. Прямо-таки какая-то советская раскупаемость, наш родной книжный ажиотаж. Впрочем, я сам убедился в большой популярности у нас ее имени. С этого я и начал разговор.

— Мадам Саган, примите поздравления, вы так популярны в России. Готовясь к встрече я стал искать ваши книги и не мог их найти в магазинах. «Книги Саган бывают крайне редко», — бесстрастно ответили мне. Тогда я обратился к московским книжным коммерсантам и, к моему удивлению, услышал от них те же самые слова. «Плачу за книги Саган любые деньги», — в сердцах бросил я. «Позвоните через неделю». И впрямь через неделю мне вручили книгу «Немного солнца в холодной воде» и другие повести, только что вышедшую в издательстве Университета дружбы народов, и сборник современной французской новеллы, где среди прочих имен есть и ваша, «Сколько я вам должен?» Ответ делового человека меня поразил: «Вместо двух книг Саган привезите из Франции хорошую Библию». Вот это успех: Саган — на Библию. Явные издержки атеистического воспитания!

Саган рассмеялась. Впрочем, о своей популярности у нас она прекрасно знает.

— А, кстати, вы слышали о новом издании у нас ваших повестей?

— Нет, меня не уведомили, как обычно, впрочем. И я хочу, раз уж мы заговорили об этом, возмутиться учреждением под названием ВААП. Мне известно, что тиражи моих книг в Советском Союзе не малы, но существуют ли у вас авторские права? По-видимому, их просто нет. Иначе где же те деньги, которые я должна была получить за свои книги? По моим романам у вас ставились театральные постановки, и я также ничего не получила. Ни копеечки, ни франка.

Между прочим, деньги, полученные за издание моих книг в Польше, я перевела целиком на банковский счет «Солидарности». Мне не нужны деньги, но я хотела бы знать, как их можно использовать в Советском Союзе. Я, к примеру, могла бы перечислить гонимым в фонд черныбыльской катастрофы.

Я люблю русских, русский характер, я всегда с восторгом относилась к России. Моя бабушка со стороны отца была русская.

— Вот как! Неожиданно и приятно.

— Бабушка со стороны матери — француженка, но в принципе семья русского происхождения, родом из-под Ленинграда. В моем характере есть склонность к итре, и мне говорили, что в этом моя русскость.

Да, я люблю русскую литературу, русский пейзаж. Вообще русских.

— А не потому, что русские, Россия сейчас в моде?

— Ну что вы! Мне много раз предлагали поехать в Россию в составе различных групп, но я всегда отказывалась принимать участие в таких организованных поездках.

— Вам хотелось бы встретиться, поговорить, к примеру, с Михаилом Горбачевым?

— Я отношусь к нему с уважением и восхищением. Горбачев — выдающийся человек поколения, я бы даже сказала, столетия. Что бы ни произошло в будущем, именно Горбачев останется родоначальником происходящего сегодняшнего процесса.

— В таком случае хочу вас спросить: как вы относитесь к политике?

— Я ждала долго, лет двадцать, а то и больше, прежде чем у меня появились политические мнения о происходящем, до этого мне было многое безразлично. Я слишком предавалась забавам, чтобы заниматься политикой. Первое мое увлечение политикой связано с алжирской войной, когда я стала по левую сторону баррикад. Я прятала у себя людей, за которыми охотились. Я подписалась под манифестом представителей французской интеллигенции в знак солидарности с фронтом спасения Алжира. И тогда оасовцы взорвали бомбу возле моего дома. Я же продолжала прятать французев, работавших вместе с алжирцами, раненых.

— Помните ли вы обращенное к вам через «Литературную газету» стихотворение советского поэта Роберта Рождественского «Париж, Франсуаза Саган»?

— Нет, не помню, оно до меня не дошло. О чем оно?

— Поэт, называя вас пророком, отмечая вашу сверхпопулярность среди молодежи, призывает вас переосмыслить свою позицию отстраненности от острых социальных проблем, отказаться от своей философии и повлиять на общественное мнение.

— Но я не верю, чтобы я как-то могла влиять на события.

— Однако ваши романы действительно проникают в души читателей, влияя на их сознание, на их поведение. Скажите, что сильнее воздействует на человека — литература или политика?

— Естественно, литература. Литература настоящая вечна, она останется навсегда. Все же остальное — временно, преходящее. Конечно, в обществе, где царит тирания, слово должно служить восстановлению демократии. Но в демократическом государстве отнюдь не обязательно заниматься политикой. Художника должно волновать искусство с эстетической точки зрения. Отражать в литературе то, что называется скандалом, необязательно. Когда Достоевский писал «Бесов», то он писал о каких-то действительно важных общественно-политических проблемах, существовавших в ту пору. Но он писал и «Идиота», в котором политика не играет доминирующей роли.

Прошу Франсуазу Саган вспомнить (в который уже для нее раз!), как все начиналось, как написана первая повесть, было ли писательство, литературная работа неожиданным для нее ремеслом.

— Тогда я училась в Сорбонне. Я провалила экзаменационную сессию и летом осталась с отцом в Париже. Чем заняться? И я решила что-то такое написать. К осени повесть была готова. Я сама отнесла рукопись к издателю, который быстро ее напечатал. Ну и все завертелось... Так что писателем я стала довольно неожиданно. Хотя с четырнадцати лет, когда начала читать Стендаля, Бальзака, великих русских писателей, я уже мечтала только об

Лит. газ. - 1990 - Февраль - с. 16

Не хочу жить на пьедестале

одном — о литературе. И тем не менее, повторы, увидев свою вещь напечатанной, я была поражена.

— Самим фактом публикации?

— Да!

— А как реагировали читатели, критика?

— О, это интересно. Разразился гигантский скандал, потому что впервые в литературе девушка, которая занимается любовью с молодым парнем, не страдает и не оказывается беременной. Полагалось, что после этого она должна быть беременной и обязательно наказанной за свой грех. В книге же этого не произошло, вот и вышел скандал. Ведь в то время плотская любовь у нас в литературе считалась запрещенной. Удивительно, как меняются нравы, но сегодня в такой же степени она является обязательной...

— А могли бы вы написать роман об историческом герое, о конкретной личности?

— Вы знаете, у меня уже есть книга, в которой я обмениваюсь письмами с Сарой Бернар. Разумеется, это вымышленная переписка, тем не менее она основана на биографии великой актрисы. Когда пишешь исторический роман или биографию, тебя ограничивают какие-то факты, они сжимают пределы, рамки воображения и, кроме того, всегда находятся люди, которые скажут, что здесь это не так, а вот тут не эдак.

— Почему Сара Бернар?

— Бернар — одна из немногих знаменитых женщин, которая весело прожила свою жизнь и не закончила ее в бедности, в каком-то приюте для сирот.

— Как вы считаете, ваша жизнь сложилась удачно, вы счастливы?

— Да, я счастлива! Моя жизнь была счастливой. Вполне. Надо, впрочем, постучать по дереву, чтобы не сглазить, ведь завтра пятница... Ну, конечно, я была и на шпите, и со шпитем, всякое бывало. Ведь можно иметь тиражи в полмиллиона, но влюбиться в какого-нибудь кретина и ужасно страдать.

— Хотелось ли бы вам стать членом Французской академии — стать «бессмертной»?

— Нет, мне предлагали, но я отказалась.

— Почему?

— Во-первых, все они старые, во-вторых, все они правые. И, кроме того, там нет ни одного писателя, которым я восхищаюсь. Нет и не было. Многие выдающиеся писатели Франции не состояли в академии. И мне туда не хочется. И потом, мои друзья считают меня человеком свободным, и если бы я вошла в академию, я их сильно разочаровала бы. Конечно, там можно получать большие деньги, можно пользоваться привилегиями. Если ты член Французской академии, то с тобой никто ничего не может сделать. Вы защищены во всем,

В
Париже,
у
Франсуазы
Саган

даже полиция не смеет к вам подойти. Но... все равно не стоит.

— Вся Франция знает, что вы близки к Франсуа Миттерану. Что вы могли бы сказать о нем?

— Заслуга Миттерана как политического деятеля в том, что впервые за более чем полвека он сумел вернуть к власти левые силы. А Миттеран-человек — сплошное очарование. Его отличает чувство юмора, он любит людей, он впечатлительный, вдохновенный и вообще прекрасный человек.

— Как вы относитесь к мнению некоторых критиков, упрекающих вас в узости жизненных интересов, наблюдений?

— Да, вы правы: меня нередко упрекают в том, что фон моих романов — роскошные места обитания очень богатых людей, буржуа. Однажды я написала книгу, в которой действующими лицами были люди бедные. И те же критики начали писать, что, дескать, зачем она лезет не в свое дело.

— Герои почти всех ваших романов, как правило, совершают какие-то поступки, волевые движения, меняя жизнь, судьбу, биографию. А какие, простите, поступки вы сами совершили в жизни?

— Два или три раза я резко меняла свою жизнь. В первый раз я вышла замуж в двадцать два года и, когда однажды, придя домой, увидела мужа, читающего на диване газету, я сказала себе: «Что я наделала, неужели вот так и буду жить до конца своих дней с мужем, читающим газету?» Я упаковала чемоданы и ушла. Навсегда. Это был развод без сцен. Ради справедливости надо добавить, что мой по-

ступок его не огорчил. Если бы я увидела его несчастным, может быть, не поступила бы так.

— А как насчет газетных легенд о наркотиках?

Я думал, Саган возмутится. Но ничего подобного не произошло. И в ответ услышал:

— О том, что я алкоголичка, здесь пишут уже двадцать лет. Но это неправда. Я пила вино, как все во Франции. Потом десять лет соблюдала сухой закон, ничего не пила. Ни грамма. Журналистам это мешало, им было нечего обо мне писать, и тогда они придумали, будто я наркоманка. Для Парижа это банальная история. Арестовали торговца кокаином. Я была одной из ста человек, которые купили у него какую-то дозу кокаина. И вот я уже стала морфинисткой, кокаиновой и бог знает кем... Два раза всплывала эта история, в которой я обвинялась в нарушении закона, и вы знаете, оба раза — какая случайность! — это было тогда, когда Франсуа Миттеран баллотировался на выборах. Для того чтобы помешать Миттерану, крайне правая газета «Минют» обвинила меня во всех смертных грехах.

— Вы подавали на журналистов в суд?

— Да, их приговорили к денежному штрафу в десять тысяч франков.

Кстати, интервью она стала давать весьма редко — только в течение двух недель после выхода очередной книги; так нужно издательству.

— Если все время принимать журналистов, то кончишь тем, что будешь жить как на пьедестале.

Феликс МЕДВЕДЕВ

149